

Конференция «Своевременность как сюжет»

(ТвГУ, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, РГГУ, 9–11 апреля 2026 года)

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_815

Конференция «Своевременность как сюжет» стала продолжением исследовательского проекта «Время как сюжет», организованного кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук и Институтом филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета. В 2012–2025 годах в рамках проекта рассматривались категории исторического времени («прошлое», «настоящее», «будущее»), временной протяженности («вечность», «мгновение», «безвременье»), биологического времени («юность», «зрелость», «старость»), социального времени («поколение», «век», «эпоха»), соотношения времени социума и времени личности («опоздание»). Выход за пределы масштабных линейных и циклических моделей уже позволил обратиться к взаимоотношениям «сюжета» и «времени» на микро- и макроуровнях.

Сегментация социального времени достаточно сложна и основана на представлениях значительных групп людей. Комические и трагические коллизии, связанные с совпадением и несовпадением времени человека и времени социума, заслуживают подробного рассмотрения. Обсуждение проблем репрезентации времени основано на небинарных оппозициях — как правило, между двумя крайними точками существует и некий «третий путь». Новый цикл конференций начался в 2025 году с анализа «опозданий» (конференция «Опоздание как сюжет», 10–12 апреля) — не просто случаев несовпадения человека и времени, но расстыковки целей и принципов существования. Конференция 2026 года была посвящена более «благополучному» варианту — когда личное и общественное совпадают и человек приходит «вовремя», «оперативно», «кстати». Но это благополучие может оказаться иллюзорным. Если опоздание воспринималось как отказ от «своевременного», как индивидуальная трактовка времени и противостояние сложившимся концепциям научного и ненаучного мышления, то «согласие с веком» может обернуться капитуляцией, самоограничением, «тиранией нормативности».

Феномен репрезентации изначально задается как «запаздывающий» или вторичный относительно присутствия — презентации. Репрезентация возникает в силу отсутствия «ускользающего» объекта. Своевременность предполагает стабильное существование такого объекта и выбор «нужного времени» для репрезентации. От пушкинских представлений о гармонии времени до антиутопий середины XX века, от романов эпохи Просвещения до трансгрессивной поэзии начала XXI столетия — мы видим разные трактовки своевременности и противоречивые репрезентации «идеального времени». Формирующиеся системы оценок бытия-во-времени становятся основой создаваемых представлений: таковы в нашей системе координат *опоздание*, *своевременность*, *опережение*. Однако данный тезис нуждался в корректировке.

Эти мысли озвучил автор настоящих строк в докладе «Своевременность и современность: к построению теории репрезентации», открывшем пленарную секцию «Своевременность и репрезентация», представив модель анализа пересечений «личного» и «общего» времени. Условной вертикалью временной оси ста-

новится современность, горизонтально — исторический процесс, а их пересечением — пусковой механизм «проживания истории». В культуре традиционалистской события «вертикальной оси» современны всегда, они находятся вне зоны репрезентации. Библейские сюжеты постоянно определяют понимание «сегодняшнего дня». И отступление от этого понимания и для человека, и для общества губительно.

В культуре Нового времени индивидуальное восприятие времени обретает значимость, появляется третья ось системы координат: человек определяет значимость того или иного события, и мы судим о своевременности/несвоевременности происходящего. Репрезентация становится динамической. «Преждевременная старость» и «раннее взросление» вписываются в ту же систему координат, что «непрошедшее прошлое» и «внезапное будущее». Индивид может предложить свое толкование события, и современные общественные процессы предстают несвоевременными. А в XX веке намечается отказ от подобной трехмерной системы соотношений. Многообразие нарративов, мифологизация времени, шизоидный язык открывают возможность не просто множественных, а параллельных репрезентаций, когда «своевременное» и «общее» пересекаются в самых разных точках и все эти точки значимы в равной мере. Если «больших нарративов» нет, а язык не описывает «внешнюю реальность», то определение своевременности зависит исключительно от интерпретации индивида.

Условность этой системы была показана на примере темы опричнины в русской литературе — от Ивана Грозного до современных мемов, от представлений о царской власти и божественном миропорядке к дестабилизации своевременности, а потом — к многовариантности «надлежащих времен». Особое внимание аудитории привлек финальный тезис: единственно возможная стратегия определения «надлежащего времени» связана для индивида с этическим выбором, только выбор теперь зависит не от «общего» представления, как в модерную эпоху, а исключительно от индивидуального варианта траектории. Важно выбрать не линию, а точку, в которой эта линия пересекается с двумя другими.

Уже первоначальное обсуждение показало, насколько различны интерпретации заявленной проблематики. В итоге секции были объединены не выбором материала и не исходными формулировками, а общим отношением докладчиков к проблеме своевременности.

Ольга Давыдова (ИВИ РАН, Москва) рассмотрела попытку интеграции «индивидуального» и «божественного» времени в докладе *«Проект синхронизации: Клеопатра VII и попытка “настройки” эллинистического времени на римские часы»*. Политическая карьера Клеопатры VII рассматривалась как масштабный проект по преодолению идеологического и хронологического разрыва двух цивилизаций. Египет оставался последним крупным самостоятельным эллинистическим государством, и Клеопатра, избегая военного противостояния Риму, попыталась гармонично объединить циклическое, сакральное время эллинистическо-египетской монархии, где правитель выступает гарантом космического порядка, с линейным, экспансионистским временем Рима, измеряемым триумфами и регулярными сменами магистратов. Однако своевременность решения оказалась иллюзорной: ее пик, Александрийский триумф 34 года до н.э., стал моментом высшей, но мгновенной синхронизации. Проект рухнул, столкнувшись с альтернативной и более мощной темпоральной логикой Октавиана, создавшего собственный язык власти, основанный на идеях реставрации республики и «римского мира» (*Pax Augusta*). Интересно, что попытки «сохранения миропорядка» не привели к выработке нового языка, и дискуссия вокруг доклада только продемонстрировала это — собравшиеся так и не смогли прийти к выводу о степени оригинальности предложенной Клеопатрой модели поведения.

В докладе *Ирины Лобаковой* (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) «*Личность и историческая трагедия: своевременность в воинских повествованиях средневековой Руси*» речь шла о воинских повествованиях средневековой Руси — точнее, о столкновении личности с исторической трагедией. Рассуждения о категории времени в эпоху Средневековья чаще всего основываются на ориентации создателей произведений на библейскую модель вечно повторяющихся событий. Поэтому так часто встречаются обращения к библейским параллелям и уподоблениям, «правильное» определение которых позволяет осознать смысл произошедшего. Роль человека при таком восприятии оказывается незначительной: он становится своего рода отголоском минувшего. Модель является универсальной, но в воинском повествовании появляется особое понимание важности «совпадения» человека и его времени. «Своевременное» и «вечное» взаимодействуют в рамках одного текста. Однако в воинских повестях встречаются герои, явно идущие наперекор времени, — таковым стал М.И. Скопин-Шуйский. Обсуждение текстов, посвященных его жизни, заставило докладчицу и участников конференции вернуться к прошлогодней теме «Опоздание как сюжет»; тогда «опоздание» полководца в его попытке восстановить государственный порядок обсуждалось довольно активно, и воинские повести сопоставлялись с путевыми заметками иностранцев, где Скопин-Шуйский был одним из центральных персонажей.

Юрий Подковырин (РГГУ, Москва) представил доклад «*Семантика не-своевременности и ее художественная репрезентация в повести С.Д. Кржижановского "Воспоминания о будущем"*». Докладчик сосредоточил внимание на художественной репрезентации соотношения *фаз* (прошлое, настоящее, будущее) и *слоев* времени (личное, социальное, историческое, природное, абстрактно-метафизическое и т.д.). Эта конструкция изначально казалась сложной, но сводилась к проблеме (не)разобщенности времени и личности. Возможность путешествия во времени — как фантастическое допущение, предпринятое в повести, — актуализирует ситуацию не-свое-временности: отчуждения времени и личности (Я). Сама ситуация «побега» из «своего» времени в какое-то другое (прошлое или будущее) обнаруживает глубокую разобщенность Я и мира. Стремление подчинить себе время, осуществляемое изобретателем Максимилианом Штерером, оборачивается как распадом личности героя, так и «парцелляцией» самого времени (характерно название изобретенной Штерером машины: «времярез»). Ситуация не-свое-временности согласуется и с реальной судьбой книги С.Д. Кржижановского «Воспоминания о будущем», которая была напечатана только спустя 60 лет.

Пленарное заседание завершилось дискуссионным выступлением *Александра Малышева* (СПбГУ) «*Всему свое время: между фатализмом и оптимизмом*». Докладчик использовал примеры из самых разных текстов, стараясь показать, что своевременность — не только пунктуальность и умение вовремя выполнять задание, достигать цели, не опаздывать и т.п., а мировоззренческий принцип, основанный на том, что все произойдет ровно тогда, когда ему суждено произойти. Малышев, в отличие от других участников секции, сосредоточился на проблеме оценки своевременности. Это понятие связано, с одной стороны, с пессимизмом и фатализмом, когда человек не властен над своей судьбой, предначертанной заранее (а следовательно, нет смысла изменять скорость движения, поскольку это все равно ни к чему не приведет), и с другой — с оптимизмом, поскольку все обязательно сложится так, как должно, и любое развитие событий нужно воспринимать как единственно правильное. Конечно, участники дискуссии предложили множество примеров из самых разных текстов: «...это даже хорошо, что сейчас нам плохо», «лучшее, конечно, впереди» и т.д.

В дальнейшем именно эти повороты темы оставались в центре внимания. Секция под названием «Иллюзии современности» открылась докладом *Илоны Мотеюнайте* (ПсковГУ) «Когда Ольга Киевская становится покровительницей Пскова». Выступление было посвящено роли исторического времени в формировании местного культа княгини Ольги в Пскове. Первое упоминание города в летописи связывает Псков с именем Ольги, первой на Руси принявшей христианство. Однако археологические свидетельства доказывают более раннее происхождение города, а исторические источники указывают на близкие к Пскову, но иные места рождения княгини. Автор доклада попытался выявить причины сложившегося в Пскове культа Ольги, первые следы которого восходят к трудам историографов XVIII века, а основной корпус подтверждений массового местного почитания — ко второй половине XIX века; притом что почитание в Киеве началось еще в XI веке, житие написано в XVI веке, канонизация состоялась в 1547 году. Закрепление символа в городском ландшафте произошло лишь в 2003 году, когда были установлены два памятника. В топонимике города и в культурном сознании горожан ее значимость фиксируется значительно раньше, с XIX века, но для властей «время признания» наступило гораздо позднее.

Анастасия Елкина (ТвГУ) представила доклад на тему «“Вовремя” увидеть, “после” написать: современность и запаздывание репрезентации в русских травелогах о Японии второй половины XX века». Отталкиваясь от «неблагополучного» варианта опоздания, докладчица выстроила своеобразную антитезу нахождения во времени или же в своем времени. Однако это благополучие может оказаться иллюзорным из-за условий «запаздывания», репрезентации, возникающей в отсутствие ускользающего объекта. Автор травелога в особенности сосредоточен на пережитом моменте и возвращении к нему — и это заметно в трех русских травелогах о Японии: «Восточней Востока» И. Фонякова (1977), «Двухэтажная Япония» Ю. Тавровского (1989) и «Коро-коро. Сделано в Хиппонии» Д. Коваленина (2004). Оптика изображения меняется — от позднесоветского взгляда на «страну-загадку» до постсоветского погружения в массовую культуру. Но можно подыскать единую теоретическую рамку — например, концепцию «насыщенного описания» К. Гирца. Предложенная им типология позиций наблюдателя (художника, исследователя, ученого, верующего) позволяет систематизировать авторские стратегии в травелогах. Такое разделение помогает проследить, как тип наблюдения определяет отношение автора к современности: травелоги говорят не столько о ней, сколько о пределах и возможностях самой репрезентации. «Современность» в травелоге — скорее риторический эффект, создаваемый определенным типом «насыщенного описания». Например, позиция «художника» может имитировать полное слияние с моментом, в то время как позиция «исследователя» (или «ученого») будет рефлексивно обыгрывать разрыв между пережитым и записанным. Сравнительный анализ трех текстов позволил проследить, как травелоги в конечном счете становятся высказыванием не о Японии, а о пределах возможностей ее описания.

Алина Дроздова (ТвГУ) вернулась к проблеме иллюзорных представлений в докладе «Современность как иллюзия совпадения личности и эпохи в романе Ч. Айтматова “Плаха”». В произведении заглавная категория выступает как форма мнимого единства личного и общественного времени. Сюжет выстраивается вокруг ситуации, когда персонажи оказываются «своими» в среде современников и действуют «вовремя» по отношению к эпохе, однако это соответствие оборачивается утратой внутренней целостности и приводит к смерти: для «выпавшего» из времени социума Авдия Каллистратова — смерти физической, а для живущих «кстати» сборщиков анаши — духовной. Линия наркоторговцев представляет модель «согласия с веком», конформистского непротивления всем отрицательным

явлениям времени и даже циничного использования их в своих целях. Для Авдия Каллистратова несвоевременность и выпадение из социума становятся трагедией, приводящей тем не менее к сохранению внутренней целостности, а для сборщиков своевременность идентична саморазрушению. Если Авдий оказывается «лишним» для эпохи, то наркоторговцы чрезмерно ей соответствуют. В обоих случаях человек оказывается жертвой исторической ситуации, но именно иллюзорная гармония с веком выявляет наиболее опасную форму диктатуры времени. Конечно, библейская аксиология в романе Айтматова представлена весьма условно и даже карикатурно, что отметили участники дискуссии, но в целом эта попытка столкнуть две системы отношений индивида и времени характерна для «эпохи застоя».

Некоторые историко-литературные эпизоды были представлены в рамках следующей секции «Краткая история современности». Сергей Денисенко (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) выступил с докладом «Мотив вовремя сбежавшего жениха у И.А. Гончарова». Разумеется, речь шла об Иване Савиче Поджабрине и Илье Ильиче Обломове в контексте предшествующей литературной традиции, идущей от Гоголя. Было бы интересно развернуть историю такого «поспешного бегства» вплоть до советских комедий и французских киносценариев, однако сама идея своевременного спасения вызвала оживление аудитории.

Александра Голубева (ГМИРЛИ, Москва) выступила на тему «Своевременность как принцип действия: Евдоксия Никитина и литературно-художественное объединение “Никитинские субботники”». В 1914 году Е. Богушевская начала проводить литературные вечера у себя дома. До 1917 заседания проходили регулярно в Москве, а после начала Гражданской войны члены кружка перебрались в Ростов-на-Дону, затем в Новороссийск. В дальнейшем никитинские вечера стали не зеркалом, а «воплощением» времени. 26 октября 1921 года на очередном московском собрании участники приняли название «Никитинские субботники», литературный кружок был зарегистрирован как официальное объединение, также под этим именем появилось издательство. Следующее десятилетие стало временем расцвета литературного сообщества. В начале 1930-х годов все частные издательства в СССР были закрыты, но Никитина добилась слияния с издательством «Федерация» и сохранила относительный контроль над книжным производством. На архивных материалах было показано, как Е. Никитина отвечала на вызовы времени — политические, культурные, экономические. Создание музея «Никитинские субботники» в 1962 году, при жизни основательницы объединения, стало возможным именно благодаря всей этой череде «своевременных решений».

В докладе «Книга Алексея Ремизова 1949 г. “Пляшущий демон, Танец и слово”: грани современности» Алла Грачева (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) обратилась к обстоятельствам создания и реконструкции концепции этой необычной работы. Издание книги было осуществлено благодаря финансовой поддержке друга писателя — руководителя балетной труппы «Гранд-Опера», балетмейстера и танцовщика С.М. Лифаря. Сохранившиеся материалы (переписка Ремизова с Лифарем и его братом Леонидом, менеджером артиста, а также другие архивные свидетельства) показывают, что появление этой книги, созданной одним из «живых классиков» первой волны русской эмиграции, было своеобразной оперативно проведенной «акцией» в поддержку общественного реноме ремизовского мецената. После освобождения Парижа в 1944 году С. Лифарь, оставшийся балетмейстером Гранд-Опера при оккупантах, был обвинен в коллаборационизме, оставил свой пост и покинул Францию. В дальнейшем Лифарь был оправдан и продолжил работу в Опере Гарнье. Книга стала первой опубликованной отдельным изданием работой Ремизова после 18-ти лет перерыва. Автору удалось совместить прагматические задачи (восхваление гения Лифаря, стоящего на вершине, преодо-

левающей время, вечно воздвигаемой пирамиды балетного искусства) и воспользоваться неожиданно открывшейся печатной возможностью для утверждения актуальности своей «теории русского лада», которая приобрела новое звучание в послевоенных условиях существования культуры русской эмиграции.

На конференциях «Время как сюжет» почти всегда представлены доклады на темы, связанные с социологией. На сей раз их оказалось особенно много. Первой в секции «Социология современности» выступила *Светлана Васильева* (ТвГУ) с докладом «*“Несвоевременные мысли” М. Горького в культурном пространстве России 1917–1918 гг.*», обратившись от традиционных политических коннотаций к общественной позиции Горького и анализу движения времени в данном цикле.

Марина Мелютин (ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», Архангельск) в докладе «*Практика полевого исследования как феномен современности*» на основе корпуса эпических произведений, записанных фольклористами МГУ имени М.В. Ломоносова в 1950–1960-е годы в Архангельской области, раскрыла, какую роль играет совпадение времени экспедиционной практики ученых и жизненного цикла и традиционных ценностей исполнителей. В 1970-е годы эпические тексты исчезают и возникает дихотомия современности и утраты в записях фольклорных текстов.

Станислав Меркушов (МПГУ, Москва) выступил с докладом «*“Всему свое время...”: “пророческие сценарии” братьев Стругацких*». Основным материалом стали тексты, где исследуются разные футурологические варианты: бессмертия («Пять ложек эликсира»), светопреставления («За миллиард лет до конца света») и эксперимента («Град обреченный»). Принципиальная гипотеза доклада сводилась к экспликации возвратного/циклического кода искусства/культуры, сегодня разворачиваемого в нарративах трансгуманизма, сингулярности и опасной интенсификации искусственного интеллекта, на самом же деле — сводящихся к сакраментальному: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать...» Рассуждая о роли Екклесиаста в художественном мире Стругацких, автор сопоставил «пророческие» тексты с визуальными («Град обреченный» Рериха, «Искушение Б.» Сиренко, «Дни затмения» Сокурова и др.) и литературными (Николай Фёдоров, Филип Дик, Бенхамин Лабатут и др.) аналогами. Слушатели отметили изначально апокалиптический характер пророчеств и усомнились в применимости категории «современность» к «Граду обреченному», но в целом согласились с такой интерпретацией советской фантастики.

Большое оживление вызвал доклад *Нины Зарубиной* (СПбГУ) «*Все идет по плану: “современность” в советской карикатуре*». Здесь, впрочем, все собравшиеся чаще обращались к своим впечатлениям о советском прошлом. В стране, где все измерялось планами и пятилетками, умение уложиться в срок или оказать ся в нужное место и в нужное время ценилось высоко, что и отражалось в художественном творчестве. С помощью карикатур показывали, что такое оперативность, почему важно не опаздывать и как выглядит тот самый «правильный момент». Но карикатуры были не просто смешными картинками, а воплощениями «социалистической морали». В итоге читатель получал не только порцию юмора, но и понятный ориентир: вовремя — значит хорошо (впрочем, ожидание нередко входило в противоречие с реальностью). Однако многие примеры, как мы увидели, интерпретируются в наше время уже совершенно иначе, и мораль социалистического прошлого сама по себе выглядит карикатурно.

Проблеме советского прошлого был посвящен и доклад *Анастасии Митрофановой* (ИСПИ ФНИСЦ РАН / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва) «*Современность как механизм переписывания городского сюжета (на примере заполярного города)*». Митрофанова затронула

эволюцию городского сюжета об основании города Норильска, демонстрирующего механизм корректировки городского времени в соответствии с текущими социальными нормами. Первоначальная («аутентичная») точка основания — «Первый дом Норильска» — изба геолога Н. Урванцева, построенная для экспедиции в 1921 году. В 1940-е годы, когда Урванцев находится в заключении, точка основания Норильска перемещается в так называемый «старый город», титул основателя получает А. Завенягин, руководитель Норильлага в 1930-е годы. После ликвидации ГУЛАГа, в 1956 году, на строительство Норильского комбината прибывают комсомольцы, усилиями которых создается «новый город» (пл. Metallургов — Ленинский проспект — Гвардейская пл.), становящийся «идеальной исходной точкой». Теперь «новым городом» считаются первые здания Норильска, начало «первостроительства» отнесено к 1956 году. Бывшая Административная пл. носит имя Завенягина, который с 1970-х годов обозначен в ландшафте города как «выдающийся организатор социалистической промышленности». Лагерное прошлое как Урванцева, так и Завенягина вынесено за пределы сюжета о первостроителях. По мнению автора, сюжет об основании Норильска представляет пример того, как своевременность навязывает нормы исторической памяти, вытесняя несвоевременное прошлое. Разумеется, новейшая история куда более травматична, чем древняя — и рассказы об основании Пскова воспринимаются совсем не так остро, как прошлое Норильлага. И здесь своевременность приобретает совершенно иной смысл.

Особенно заметен был контраст, когда сразу после доклада о Норильске прозвучал доклад о своевременности новогодних ритуалов в отечественном кино. Светлана Еланская (ТвГУ) вынесла цитату в название своего доклада «*“Всем надо быть в форме, всем надо Новый год встречать!”: Своевременность нормативных новогодних ритуалов в отечественном кино*». В отечественной модели массовой культуры официально Новому году как государственному празднику, к которому надо было выполнить планы-отчеты («Чародеи», «Снежный ангел»), противостояло частное, личное, нередко сопряженное с грустью, неприютностью, «сиротством как блаженством», «тоской необъяснимой», что в свое время на экране запечатлел Э. Рязанов. Режиссер заложил основы классического новогодне-карнавального кино, уловив историко-политический момент, а позже, также своевременно, экспериментировал с жанром, поэтизируя обостренный конфликт между публичным нормативным и личной неустроенной судьбой (к/ф «Зигзаг удачи»). Уместно было обращение к категории «кайроса», организующей темпоральность (М. Ямпольский), а также к понятию «мессианическое время», требующееся нам, чтобы довести время до конца (Дж. Агамбен). Лирическим механизмом конструирования повседневности явился уникальный ритуал своевременного пения в компании за новогодним столом — «когда люди поют?» Участники конференции поделились собственными мнениями о новогодних фильмах, о своевременности новогодних премьер и повторов — и грань между индивидуальным и социальным временем как будто стерлась...

Секцию «Поэзия и проза своевременности» открыла Анастасия Липинская (СПбГЭУ) докладом, посвященным «своевременным явлениям призраков», — «*“Обед — по расписанию”: циклические события как двигатель сюжета в готической новеллистике*». Англоязычное понятие *anniversary ghost* — буквально «призрак годовщины» — вошло даже в классификатор Томпсона. Мифологические корни этого мотива хорошо известны — он связан с практиками поминовения и, собственно, с календарным циклом. Конечно же, авторы готических новелл не смогли пройти мимо такого красочного и узнаваемого материала. В готической новелле подобные сюжеты устроены иначе, чем их фольклорные прототипы: предметом изображения становится не столько некое событие (обычно трагическое) и

цикл его бесконечных регулярных редупликаций, сколько «своевременное» вторжение в этот цикл современного человека и то, чем это вторжение оборачивается (исключая ситуации, когда герои лишь наблюдают за жутким действием со стороны, в рассказе М.Р. Джеймса «Гравюра» так воспроизводится, как ни парадоксально, древнейший мотив «изобличающего призрака»). Отдельный интерес представляют сюжеты, в которых событие «в мире живых» продолжает повторяться согласно графику и после смерти всех участников, как в «Вечном клубе» А. Грея, — своеобразный перевертыш, вероятно, обогащенный темой проклятия (наподобие бродячего сюжета о вечном танце в аду в качестве наказания). Анализ этих текстов дал возможность точнее реконструировать присущее жанру представление о времени (цикличность, «своевременность»), его фольклорные корни и уже чисто литературные особенности.

Мария Мельникова (ГБОУ Школа 2126 «Перово», Москва) в докладе «Своевременность и разрыв времени в романе Д. Тартт *“Щегол”*» проанализировала систему «разрывов времени» в произведении, используя категорию своевременности. Теракт в музее, в котором погибает мать главного героя Тео Деккера, интерпретируется как событие, нарушающее привычный ход времени. Личное время Тео перестает совпадать с социальными ритмами (герой то опережает свое время, то опаздывает), что проявляется в невозможности встроиться в нормативные сценарии взросления. Особое внимание было уделено картине как объекту, который находится вне времени. «Щегол» К. Фабрициуса — не только ценный артефакт культурного наследия, но и то, что связывает Тео Деккера с днем трагедии, несвоевременно унесшей жизнь его матери, еще вполне молодой и здоровой женщины. Картина становится материальным носителем личной и коллективной памяти: тем предметом, который одновременно показывает, что ход времени не остановить, и тем, что раз за разом возвращает Тео день теракта, обнажая разрыв с современностью. Сознательное замедление повествования обостряет диссонанс между внешней динамикой мира и субъективными переживаниями героя. Таким образом, травма останавливает время, но потом запускает его «на иной частоте», а «вечная» память о произведении искусства сопровождает бесконечный индивидуальный поиск главного героя.

Александр Бочкарёв (Даляньский университет иностранных языков, КНР) представил доклад «Мотив “своевременности жизненного выбора” в кинодраматургии начала 1960-х годов». В советской кинодраматургии время рассматривалось как объективно-историческая категория, поэтому всякий поступок, сообразный коллективным ценностям, виделся как императив, свободный от временных обстоятельств. Новый этап в разработке мотива своевременности начинается на рубеже 1950–1960-х годов, когда в кинодраматургических произведениях появляется попытка исследовать «своевременность жизненного выбора» и подчеркивается столкновение «индивидуального» и «социального». Докладчик провел параллели между текстами писателей-«диссидентов» (Ан. Кузнецов, Г. Владимов), сочинениями авторов «соцреалистического лагеря» (Н. Фигуровский, Ю. Герман) и сценариями фильмов. Во многих случаях столкновение временных парадигм связано с мотивом дороги и образом героев-шоферов (единственное исключение в докладе — сценарий к/ф «Когда деревья были большими»). Здесь «опоздание» и «своевременность» приобретают особое значение. Участники конференции дополнили список «шоферских» фильмов, обнаружив исключительную востребованность такого героя в «оттепельном кино» («Порожний рейс», «Очередной рейс», «Молодо-зелено» и т.д.).

Секцию «В поисках современности» открыла Виолетта Трофимова (независимый исследователь), которая вновь обратила внимание аудитории на беллетрис-

тику в докладе «Своевременность и несвоевременность в публикации В.И. Крыжановской-Рочестер романов из серии “рочестерианы” на французском языке (1880-е–1890-е гг.)». «Ученая» формулировка скрывала на редкость увлекательный сюжет: романы Крыжановской изначально позиционировались как надиктованные ей духом английского поэта Джона Уилмота, графа Рочестера (1647–1680). Они публиковались на французском языке и предназначались для продвижения идей основателя французского спиритизма Аллана Кардека. За «Эпизодом из жизни Тиберия» (1885) последовали еще три романа серии. Далее список романов варьировался, но имя Рочестера с титульных листов постепенно исчезает. Первые романы серии имели значительный успех у читателей, увлеченных спиритизмом, и их публикацию следует рассматривать как своевременную — время автора и время социума «совпали». Но публикация французского оригинала «Царицы Хатасу» с нападками на покойных короля Баварии Людвига II (погиб в 1886 году) и немецкого композитора Рихарда Вагнера (умер в 1883 году) вызвала скандал и привела к сокращению аудитории французской «рочестерианы» и вынудила Крыжановскую отказаться от «скомпрометированной» литературной маски.

Иоанна Делекторская (ИМЛИ РАН, Москва) выступила с докладом «Проблема “своего времени” в самосознании Андрея Белого в конце 1910-х — начале 1930-х гг.». Двойственность представлений о «своем» времени отличала Андрея Белого всегда. Минувшие исторические эпохи переживались им как современность — и гораздо острее, чем настоящее. Но после Октябрьского переворота (особенно после возвращения Белого из эмиграции в 1923 году) эта особенность мировидения стала причиной конфликтов — как внутренних, так и внешних. Пытаясь сделаться «настоящим» советским писателем, Белый, признанный властью, оказался в изменившихся российских реалиях категорически не ко времени (в данном случае речь идет не об «опоздании», а о качественном несоответствии представлений о своевременности). После смерти писателя этот факт нашел отражение в некоторых официальных некрологах, особенно в публикации в «Литературной газете» от 11 января 1934 года. Доклад был посвящен рассмотрению неудачных попыток Белого в конце 1910-х — начале 1930-х годов адаптировать свое ощущение времени к требованиям современности, а также творческим результатам этих попыток, порой трагическим и комическим.

Рассуждения о комическом продолжил Сергей Потемкин (МГУ, Москва). Его доклад «“Беззаконное” время: как советская и постсоветская эпохи переписали чеховский сюжет» был посвящен экранизациям рассказа Чехова «Беззаконие» (1953 и 2010 годов). Камерный сюжет о страхе мелкого чиновника перед «беззаконным» (внебрачным) ребенком и общественным мнением обладает высокой степенью адаптивности. Каждая экранизация является не столько иллюстрацией чеховского замысла, сколько проекцией страхов и ценностей конкретной эпохи на литературную основу. В фильме 1953 года, в эпоху тотальной подконтрольности индивида, наиболее своевременным оказывается страх перед коллективом. Режиссер расширяет пространство дачного поселка, превращая его в модель общества, где за героем следят. Его главный враг здесь — не стыд перед Богом или совестью, а страх перед оглаской, перед тем, что скажут сослуживцы и «его превосходительство». В мультфильме 2010 года оптика меняется, и на первый план выходит страх перед одиночеством и абсурдом. В нем главный герой (Мигуев) — не столько винтик в системе, сколько маленький человек, столкнувшийся с метафизическим ужасом вторжения хаоса (ребенка) в его упорядоченный мир. Мультфильм создается в иную эпоху — это время индивидуальных страхов, тревоги перед будущим и поиска опоры в мире, где старые закономерности уже не действуют. Создатели экранизаций находят исключительно своевременные решения — и осуществляется пе-

реход от человека социального, боящегося коллективного осуждения, к человеку приватному, боящемуся внутреннего хаоса и одиночества в абсурдном мире.

Доклад *Екатерины Новосёловой* (НИУ ВШЭ, Москва) был озаглавлен «*Вечно современный*»: *А.С. Пушкин в эссеистике позднесоветских писателей*». Авторы «городской прозы» видели в Пушкине выразителя внутренней «тайной свободы». Материалом для доклада послужили два эссе о Пушкине — «Пушкин на юге» Ю. Нагибина (1987) и «Товарищ Пушкин» В. Пьецуха (1997). Обращаясь к различным эпизодам биографии поэта, авторы проблематизируют вопросы персональной и национальной идентичности, а также характер взаимоотношений между советской властью и писателем. Анализ этих текстов позволил проследить, каким образом миф о Пушкине становится инструментом осмысления экзистенциальных и исторических проблем позднесоветской интеллигенции. Некоторые слушатели соотнесли материал с собственным опытом, и обсуждение перешло в дискуссии о нынешней «современности» классика.

Секцию «Все давным-давно не свое...» открыла *Екатерина Пастернак* (МГУ, Москва) докладом «*Буду я, буду бессмертен!*»: об истории «несовременных» публикаций стихотворений Г. Державина», в котором она рассказала об истории «несовременных» публикаций поэта. Известно, что собрание сочинений Державина в том виде, в котором оно было задумано автором, не осуществлено до сих пор. Публикации его стихотворений можно назвать только «несовременными» — посмертные версии не соответствовали авторскому замыслу, они пестрили ошибками и сопровождались весьма спорными комментариями. В академическое собрание сочинений Державина, подготовленное Я.К. Гротом, также вошли далеко не все произведения поэта (несмотря на провозглашаемую полноту издания), специфическое расположение текстов, как и ряд эдиционных решений ученого, также не позволяет считать наследие Державина полностью представленным читателю. Недоступными оставались многие ключевые тексты («На смерть Катерины Яковлевны...», «Песни, сочиненные Г... Р... Д...»). Рассмотрение истории державинских публикаций показало, как меняется представление о творчестве автора в зависимости от доступности текстов. Анализ комментариев к разным изданиям позволил увидеть расхождение между авторским представлением о поэзии и взглядом ученых. Скептический пафос доклада не был преодолен и участниками дискуссии, пытавшимися предложить альтернативные подходы к изданию и комментированию текстов XVIII века.

Анна Савченкова (МГУ / музей «Собрание», Москва) выступила с докладом «*Статуи живой мертвенности*»: автоматы как симптом времени». Во второй половине XVIII века увлечение автоматами — подвижными механическими куклами, повторявшими движения, повадки и даже речь живого человека, — стало признаком хорошего тона. Одни авторы (Н.М. Карамзин и Э.М. Уильямс) радовались купленным механическим игрушкам и воспевали сложные системы, а другие, особенно писатели-романтики, испытывали экзистенциальный ужас от того, как термин «человек» постепенно утрачивал определенность (М. Шелли и Э.Т.А. Гофман). В докладе рассматривались изменения отношения к автоматам, выразившиеся в их образах в фантастических произведениях и мемуарах, а также анализировались функции и внешний вид автоматов, которые вдохновляли писателей на размышления о рамках человечности. Изобразительный ряд из фондов музея «Собрание» позволил лучше понять самосознание представителя эпохи, который видел в механических куклах то расцвет *ratio*, то симптом болезни и ненормальности времени. Впрочем, это касалось не только механизмов, изображающих живых существ. Приспособления для флагелляции, механические инструменты — все это позволяло говорить о разрушении человеческих представлений о «своем времени».

Столь же драматичен по материалу был и доклад *Сергея Пинаева* (РУДН, Москва) «*В ловушке времени, или Трагическая своевременность истины (рассказы Амброза Бирса)*». А. Бирс в своих историях нередко обращается к проблеме соотношения временных пластов: его герои оказываются в сфере конфликта «своего», «внутреннего» времени с временем социальным (историческим), физического (биологического) времени с психологическим его переживанием. Однако в решающий момент происходит совпадение временных пластов: волна реального (социального) времени настигает человека, «захлестывает» внутренний мир героя, вторгается в ненадежное убежище его душевной «раковины». На пересечении временных пластов возникает «момент истины», почти неизбежно обуславливающий гибель героя. Эти положения, связанные с философией и психологией времени, рассматривались на примере рассказов А. Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей», «Пересмешник» и «Заполненный пробел». Вопрос о том, следует ли говорить о трагическом восприятии своевременности применительно к сатирическим текстам Бирса, составляющим количественную основу его творчества, впрочем, остался открытым.

Никита Вальянов (КГПУ, Красноярск) представил доклад «*Кризисное время и его отражение в русской прозе рубежа XX–XXI веков: художественный опыт О. Павлова и М. Тарковского*». На материале ранних и зрелых текстов Олега Павлова («Конец века», «Митина каша») и Михаила Тарковского («Бабушкин спирт», «Фундамент», «Ложка супа») выявляются особенности воплощения кризисного времени, которое сопряжено с эсхатологическими представлениями писателей, соотносится с реализацией евангельского сюжетно-мотивного комплекса в авторской картине мира. Так, в прозе Павлова исследуется художественная реконструкция евангельского сюжета о распятии Христа («Конец века»), мотив соборности как идея единства и возвращения к отринутому Богу («Митина каша»). В произведениях Тарковского исследованы мотив хождения по мукам, сюжет о возвращении блудного сына. Кризисный тип времени в русской прозе рубежа XX–XXI веков отражает не только историческую, но художественно-эстетическую идею — в текстах современных писателей формируется поэтика кризиса. В докладе была продемонстрирована преемственность «новой эсхатологии» по отношению к финальному этапу развития «деревенской прозы», хотя сам автор на этом историческом аспекте ускользающей своевременности не сосредотачивался, предпочтя, по примеру Бахтина, связать с кризисным хронотопом перспективу обновления, возрождения, прозрения.

Ольга Кузнецова (МГУ, Москва) открыла секцию «*Варианты современности*» докладом, «*Эмблематическое “вовремя” и его трансформации в культуре XVIII в.*». Умение приноровиться к обстоятельствам, талант предвидеть события и все успеть — знаменитое *tempore et loco* — в русской культуре воплощается в нескольких эмблемах (например, бомба и крокодил). В русской прикладной эмблематике «вовремя» становится в ряд абсолютизирующих слов, выстраивающих героическое *motto*: «скоро», «верно», «прямо», «всегда» и др. Образцовой шкалой, на которой все происходит в свое время, является природный цикл. Для фатально опаздывающего героя «готовить сани летом» — единственная возможность успеть, угнаться за эталонным временем. Нарушения же природного цикла (цветение или снегопад не вовремя) являются зловещим признаком, элементом создания балладного напряжения в традиционном фольклоре и городской песне. Во второй половине XVIII века изготовители изразцов изобрели собственную эмблему с цветами, которые «растут вовремя». Они формируют идиллическое пространство в интерьере, но еще более показательно разрушение этой идиллии с постоянным использованием понятия «не вовремя». Эмблематическое «не вовремя каяться»

очень быстро превратилось из сценки с конкретными обстоятельствами (слезы жестокой над бездыханным телом безответно влюбленного) в обобщение, состояние души любого персонажа. Стремление преодолеть эту рассинхронизацию, подготовиться, «сыграть на опережение» и все-таки овладеть своей жизнью проявляется в карточных гаданиях, которые стали популярными и распространились во многих вариантах именно в это время. Этот доклад удивительным образом корреспондировал с выступлением Александра Малышева, казалось бы, посвященным совершенно иным текстам и аспектам проблемы.

Светлана Царегородцева (Московский университет имени А.С. Грибоедова) в докладе «*“Я — вернувшаяся река”: своевременность тихой поэзии в литературном процессе XXI века*», рассказывая о творчестве Валентины Твороговой, показала условность и адаптивность понятия «тихая лирика», в зависимости от времени, предполагающего культурно-эстетический сдвиг от внешнего пафоса к внутренней сосредоточенности, от общественной декларации к личному переживанию. Поэт, начавший работать в 60-е годы XX века, творит до сих пор, сохраняя приверженность направлению, рамки которого все больше и больше размываются.

Заключительный доклад *Олега Федотова* (МПГУ, Москва) «*Хронос, Кайрос и Эон — покровители разных времен*» вернул участников конференции к различным ликам «своего» времени — суровому, доброму и равнодушному... Собственно, в программе мероприятия и были реализованы все заявленные тематические линии. Разговор начался с анализа репрезентации и «своевременности» художественных представлений, потом исследователи обратились к архаическому отказу от репрезентации и к поискам пересечений общего и индивидуального времени в истории. Далее социология и изучение восприятия привели к пониманию вариативности, связанной с постмодерным восприятием своевременности. И финалом стало обсуждение этического соизмерения времени личного и общего.

Конференция «Своевременность как сюжет» была посвящена памяти замечательного ученого, доктора филологических наук, тверского профессора Юрия Михайловича Никишова (1932–2026). Проект «Время как сюжет» начался с празднования 80-летнего юбилея Юрия Михайловича, который стал практически постоянным участником ежегодных собраний. В своем последнем очном выступлении Юрий Михайлович говорил об эпохе социализма и рассуждал о «надлежащем времени» в системе отношений личности и общества — он задал высокую планку в разговоре о социальном и индивидуальном времени. И хотя со многими тезисами, озвученными на нынешней конференции, он вряд ли согласился бы — но непременно нашел бы, о чем поспорить. Жаль, что уже не удастся...

А проект «Время как сюжет» продолжается, и следующая встреча в Твери будет посвящена сюжетному потенциалу «опережения».

Александр Сорочан